

Е. Д. КУКУШКИНА

СТИХОТВОРНЫЕ ПОСЛАНИЯ ДЕРЖАВИНУ

(По рукописным материалам
Российской национальной библиотеки)

На собрание «Бумаг Державина», хранящееся в Публичной (ныне Национальной) библиотеке, на его особый состав обратил внимание Г. А. Гуковский. В обзоре «Литературное наследство Г. Р. Державина» он писал: «Собрание <...> интересно не только благодаря большому количеству собственно Державинских рукописей, заключающихся в нем, но и по рукописям, относящимся к Державину и просто собранных им и заполняющим в этом собрании целые томы <...> В „Бумагах Державина” сохранилось в рукописях множество стихотворений, ему посвященных и адресованных <...>. Эти стихотворения, как написанные настоящими поэтами, так и составленные дилетантами или же просто неискусными виршеслагателями, интересны и сами по себе, и для характеристики значения Державина как деятеля и поэта, характеристики отношения к нему тех или иных групп его читателей и современников».¹

Я. К. Грот, подготавливая к печати Собрание сочинений Державина, сначала в «Плане издания», а затем в предисловии к I тому заявлял, что намеревается включить в собрание «свод всего, что было писано о Державине в прозе и в стихах, как в похвалу ему, так и в порицание» (с. IX). Впоследствии он отказался от осуществления этого замысла, ограничившись библиографией опубликованных сочинений.

Исследователи неоднократно обращались к отдельным материалам державинского архива, пользуясь кратким его описанием, опубликованным в Отчете Публичной библиотеки за 1892 г.,² но никогда он не был предметом специального изучения.

¹ Гуковский Г. А. Литературное наследство Г. Р. Державина // Литературное наследство. М., 1933. Т. 9—10. С. 388.

² СПб., 1895. С. 43—97.

Стихотворные послания Державину, всего их около восьмидесяти, включены в тома с 22-го по 31-й архива Державина (Ф. 247). Самое раннее из датированных стихотворений относится к 1786 г., самое позднее — к 1815 г. Датировку других стихотворений можно с большей или меньшей достоверностью установить по составу конволютов, которые наряду с рукописными материалами включали и печатные, как правило датированные³ Наибольшее количество стихотворений относится к концу 1790-х — началу 1800-х гг.

Архив содержит далеко не все стихотворения, которые были присланы Державину. В некоторых сопроводительных письмах к стихам их авторы упоминают, что уже обращались к Державину со своими поэтическими опытами и получили его одобрение, но этих стихов в составе архива не обнаружено. По-видимому, первоначальный отбор проделал сам Державин, сохранив те послания, которые показались ему наиболее интересными.

К Державину в поэтической форме обращались А. А. Мусин-Пушкин, А. В. Храповицкий, М. Превлоцкий, С. Капнист, А. С. Хвостов, Д. И. Хвостов, А. Ф. Лабзин, А. М. Котельницкий и многие другие поклонники его творчества. Для некоторых авторов эти стихотворения были первым поэтическим опытом

Обращения к Державину написаны в разных жанрах. Это оды, дружеские послания, акrostихи, песни, эпиграммы. Их сочиняли также «на случай»: в день Пасхи, на пожалование в чин, на получение ордена Святой Анны, на возвращение в Петербург, на назначение министром юстиции, при лунном затмении, как ответ на стихи. Лишь немногие из этих стихотворений были опубликованы.

Поэзия Державина с ярко выраженным личностным началом открывала «новые возможности поэтического переживания»⁴ Лирически-взволнованный тон стихов, их картинность (термин Г. А. Гуковского),⁵ насыщенность предметными описаниями во всей яркости красок служили созданию поэтических образов, которые обладали большой потенцией восприятия Творчество Державина воздействовало на чувства читателей, оно провоцировало их умственную и эстетическую деятельность, вызывало ответный творческий акт.

---

³ См. Морозова Н. П., Шаталина Н. Н., Егоров С. К. Материалы к описанию библиотеки Г. Р. Державина // XVIII век Сб 22 СПб, 2002 С 235—287

⁴ Кошелев В. А. «Но, ах, почто так долго жить» (О феномене «Старика Державина» в литературе начала XIX века) // Державинский сборник Новгород, 1995 С 16

⁵ Гуковский Г. А. Первые годы поэзии Державина // Гуковский Г. А. Ранние работы по истории русской поэзии XVIII века М, 2001 С 198

Самое раннее датированное стихотворение «Стихи его превосходительству господину действительному статскому советнику и правителю Олонецкого наместничества Гавриле Романовичу Державину» было написано 1 января 1786 г., уже после того, как Державин оставил эту службу. Автор стихотворения — Тихон Васильевич Баландин (1745, Петрозаводск—ок. 1830), сын купца, в 1762 г. был отправлен в Петербург прислуживать в лавке Гостиного двора. В 1770 г. он вернулся в Петрозаводск и служил копиистом. Позднее Т. В. Баландин получил известность как первый историк Петрозаводска. Его перу принадлежат «Краткое повествование о Петровских заводах, переименованных ныне городом Петрозаводском» (осталось в рукописи), «Петрозаводские северные вечерние беседы» (опубл. в 1866—1867 гг.) и «Жизнеописание блаженного Фаддея», первого Петрозаводского святого (опубл. в 1904 г.). В 1779—1783 гг. Баландин совершал паломничество по монастырям, затем находился в Петербурге и об отставке Державина не знал.⁶ Баландин старался выдержать свое послание в жанре оды. Он называет Державина «героем», использует восклицания и «высокую» лексику, считая своим долгом «прославить труды» его и «доброты». Под «трусами» подразумевается деятельность Державина как правителя Олонецкого края. При этом Баландин делает характерное замечание: «Ты выше в деле, нежели в рифмах» (т. 24, л. 211—213). Возможно, автор хотел подчеркнуть значимость служебной деятельности Державина, сложившейся для него не лучшим образом. Но и для самого Державина, взгляды которого на службу и творчество на протяжении его жизни менялись и были противоречивы, в 1780-е гг. «дела» были важнее «слов».⁷ Ни в одном другом стихотворении почитатели Державина не ставили его государственную деятельность выше его творчества. Чаще всего они уравнивались.

Стихотворные обращения к Державину изобилуют разного рода комплиментарными формами: «Творец стихов, похвальный всеми и почтенный» (П. Левашов, т. 22, л. 297), «Пиит великий, несравненный» (М. Сучков, т. 27, л. 52), «Друг правды, муз любилец и природы сын, / Вельможа по делам и истый гражданин» (Е. Озеров, 1796 г., т. 22, л. 309). Петр Верховский, который судя по стилю его оды был лицом духовного звания, называет Державина «всероссийским Златоустом» (т. 27, л. 55 об.).

Представление о важной роли писателя в обществе было неразрывно связано с представлением о его личных качествах. «Вы-

⁶ Пашков А. М. «В стране знатнейший северных холмов» // Т. В. Баландин — первый историк Петрозаводска // Север. 1997. № 6. С. 122—130.

⁷ Фоменко И. Ю. Автобиографическая проза Г. Р. Державина и проблема профессионализации русского писателя // Русская литература XVIII—начала XIX века в общественно-культурном контексте (XVIII век. Сб. 14). Л., 1983. С. 154.

сокое» назначение поэта, его вдохновенное «слово» не отделялись от его нравственного облика и жизненного поведения.⁸ Почитатели Державина видели в нем соединение талантов и высоких нравственных качеств. В «Усерднейшем поздравлении на день Пасхи 4 апреля 1792 г. Рязанского Парнаса воспитанник Мксм Пртпв» (Максим Протопопов) (т. 24, л. 2—8 об.) писал Державину:

...Тобой почтенна добродетель,
Твой ум в храм мудрости течет,
Ты непорочными делами
Взлетаешь к небу как крылами...⁹

Анонимный автор, сочинивший оду на случай пожалования Державина в чин статского советника (в 1782 г.), видит в нем «мыслей справедливость, и остроу, и прозорливость», и душу, украшенную «истинных доброт лучами». По его мнению, поступками, мыслями и делами Державина «водит» честь (т. 24, л. 6—9 об.).

В 1802 или 1803 г. поздравительные стихи на день Пасхи «первому российскому стихотворцу» прислал «из отставных кавалерийских обер-офицер Федор Воронцов» (т. 28, л. 39—40 об.). В них говорилось:

...Державин! Мы в тебе днесь зрим пример,
Твои все подвиги превыше наших мер.
Ты нравишься своей душой разумной, чистой,
Как цвет в полях весной приятной и душистой...

Д. И. Хвостов в «Оде Гавриилу Романовичу Державину», написанной в декабре 1803 г. (т. 27, л. 53—54 об.), утверждал:

---

⁸ Лотман Ю. М. Литература в контексте русской культуры XVIII века // Лотман Ю. М. О русской литературе. Статьи и исследования (1958—1993). СПб., 1997. С. 143.

⁹ В 1799 г. Максим Протопопов написал и подготовил к печати обширный труд (4°, 204 л.) «Опыт поэзии и при нем краткая об оной повесть» с посвящением Амвросию (А. И. Подобедову) (РО БАН. Никольск. № 168), в котором рассказал о различных стихотворных размерах, приемах, жанрах, а также о поэзии разных стран и народов: латинской, итальянской, испанской, французской, английской, шведской, польской, китайской, индийской, персидской, арабской, португальской, турецкой. В русском «лирическом стихотворстве», по его мнению, «в высшей степени отличает себя (...) Гаврила Романович Державин» (л. 188 об.). В 1804 г. Максим Протопопов, будучи учителем риторики и поэзии Рязанской духовной семинарии, составил сборник духовных стихов (Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник, библиотека, № 11183).

Герой, министр, певец — блажен, кто в духе силен < >
Среди лица земли он житель есть небес,
В нем дух и мужество небесно обитает ¹⁰

Высоко оценивает нравственные качества Державина анонимный автор «Песни из 14-го псалма правдолюбцу, министру, пииту и философу» (т 28, л 102—102 об) ¹¹ Пять стихов псалма он довольно точно переложил пятью строфами стихотворения, в котором говорится о непорочности помыслов Державина, его верности истине, чуждости клевете и мздоимству В шестой, дополнительной, строфе он пророчит Державину вечную славу

Для любителей поэзии Державин был прежде всего автором «Фелицы» и оды «Бог» Эти стихотворения упоминаются в посланиях Державину чаще других Некий М Сучков «огнем восторга вспламененный» писал

Ты Бога пел — и зрели Бога
В божественных твоих стихах,
Безбожников толпа убога
Исчезла, как мечта иль прах < >
Ты пел бессмертную Фелицу
И тем бессмертье заслужил
(т 27, л 52 об)

Неумелые, но сочиненные с усердием и искренностью стихи прислал Державину Семен Неплюев По-видимому, это Семен Александрович Неплюев, сенатор, член Межевого департамента Он упоминает оду «Бог», «Фелицу» и «множество других писем отличных», в которых отмечает «дух», остроту ума, «особый слог» (т 22, л 281)

В апреле 1806 г свой «первый опыт стихосложения» — акrostих, имеющий в чтении «Гавриле Романовичу Державину», сочинил Андрей Самсонович Козлянинов (1777—1831) Он получил образование в Морском кадетском корпусе и служил во флоте до 1816 г, выйдя в отставку капитаном 2-го ранга Позже служил в Экспедиции путей сообщения, в Санкт-Петербургской Казенной палате и получил чин коллежского советника ¹² Строя свое стихо-

¹⁰ Опубликовано под названием «Ода Г Р Д» с существенными изменениями (Друг Просвещения 1805 Ч 4 С 5—9)

¹¹ Л Ф Луцевич установила, что это Авраам Крылов, сотрудник журналов «Иппокрена» и «Новости русской литературы» См Луцевич Л Ф Псалтырь в русской литературе СПб, 2002 С 483—484 Краткие биографические сведения об Аврааме Крылове см Немировский И В Крылов Авраам // Словарь русских писателей XVIII века СПб, 1999 Вып 2 (К—П) С 157

¹² Записки А Ф Львова Русский Архив 1884 Кн 2 С 225

творение по законам одического жанра, Козлянинов множит «похвалы» Державину:

Гонитель злобы и коварства,
А добрых и невинных щит,
Велик душой, мудр без лукавства {...}
Ирой за праву, друг Фемиды {...}
России сын любимый, верный,
Отечества, царя столп твердый,
Монарха, россов слава, честь...

А. Козлянинов отмечает высокое эмоциональное напряжение оды «Бог»:

И кто с таким из смертных даром,
Чувствительностью полн и жаром,
Умел изобразить Творца?

(т. 27, л. 73)

В акростихе возникает образ «реки времен» («река времен тебя почитит»), который станет сюжетообразующим в последнем стихотворении Державина.¹³

Впоследствии А. С. Козлянинов продолжил занятия литературой. Его стихи публиковались в «Вестнике Европы», а в 1820 г. стихотворения, поэма и два прозаических произведения составили небольшую книгу под названием «Урывки времени». В сборник вошло и стихотворение, посвященное Державину. Козлянинов дополнил его, нарушив акростих, и опубликовал под названием «Гавриле Романовичу Державину (жившему тогда в деревне своей Званке)», указав дату написания — 13 августа 1807 г.

В стихотворном предисловии к книге Козлянинов объяснил, что заставляет его писать стихи, подражая известным поэтам. Он сравнил себя с птичкой малиновкой, которая, услышав пение соловьев, «пришла в восторг и в умиление» и стала перенимать их мелодии. Козлянинов называет тех, кого избрал «в учителя себе» и «в образцы». Это «старшины Парнаса» — «царь певцов» Державин; «Душеньки творец», т. е. И. Ф. Богданович; Хемницер, Сумароков, Княжнин и Озеров, Фонвизин, Херасков и Костров. Упоминает он и молодых поэтов — «Жуковский, Батюшков, Воейков, Пушкин юный» — и просит их прикрыть его «крылышком» от зависти педантов и зоилов.

¹³ См.: Лаппо-Данилевский К. Ю. Последнее стихотворение Г. Р. Державина // Русская литература. 2000. № 2. С. 146—158; Морозова Н. П. О последнем стихотворении Державина // Там же. 2002. № 2. С. 137—169.

В 1802—1803 гг. была написана «Ода полнощному барду, сочинение Превлоцкого». Автор оды — Михаил Превлоцкий, получивший образование в Университетской гимназии, в 1792 г. вахмистр лейб-гвардии Конного полка. Он занимался переводами с французского языка.¹⁴ Превлоцкий также ценит Державина как автора «Фелицы» и оды «Бог» («Фелицы живописец чудный, / Непостижимости певец!»), находит в его стихах слог «стройный, чистый, плавный» и, перефразируя строки Державина, выражает уверенность в бессмертии его поэзии:

Так, так, Державин! Ты бессмертен.
Твой быстрый дух сквозь тьму времен
Пройдет, промчится, будет слышен...
Ты будешь жить потомков поздних
Всегда в уме, в сердцах, в душах...

(т 28, л 37)

Поэзия Державина подталкивала читателей к размышлениям о человеке, о его предназначении. «Артиллерии подпорутчик» Павел Неелов, «загнанный судьбою пустынножитель, живущий в Новоторжевском уезде близ ущелин горы Подоржовки» в августе 1802 г. посвятил Державину стихотворение «Весна, или Золотой век Росса». В нем перемежаются описания природы и перифразы оды «Бог», с утверждениями которой автор стихотворения не вполне согласен:

Могу я быть творцом природы,
Собой составить своды, горы,
Но нет. — Червяк я тлен. .

(т 28, л 53)

Другой анонимный корреспондент Державина выразил свое восхищение его поэзией, прислав лист с выписками из понравившихся ему стихотворений — «Фелицы», «На кончину благотворителя» и «На щастие». Свое послание он сопроводил словами: «Благоговея к душе твоей — Союзник Разума, — изображенной в твоих творениях, пребуду всегда награжденным. Вашего величества милостивого господина покорнейший слуга:

Я царь,
Я раб,
Я червь,
Я Бог».

(т 28, л 101—101 об)

¹⁴ *Рак В Д* Превлоцкий Михаил // *Словарь русских писателей XVIII века* СПб, 1999 Вып 2 (К—П). С. 486.

Под впечатлением от оды «Бог» написано стихотворение «При затмении лунном 1802-го года с 30 на 31 августа Незапная мысли любителю природы Господину Державину», подписанное «Неизвестный» Наблюдая лунное затмение, автор стихотворения пытается заглянуть в таинства природы Но они остаются скрытыми от него так же, как и законы, по которым живут отдельные люди и целые народы

Тмилась в небесах Луна,
Тмятся души и сердца,
Тмятся жизнь, дела и нравы,
Тмятся скиптры и державы

(т 28, л 141)

Поводом к созданию стихотворного послания священника И Добронравина послужило, вероятно, получение им от Державина текста оды «Бог» и какой-то материальной поддержки Об этом свидетельствует обращение «меценат» В своей иерархии ценностей этот почитатель Державина отводит его поэзии место чуть ли не равное Священному Писанию¹⁵ Державин пользовался авторитетом в среде духовенства В августе 1792 г священник села Смоленского Михаил Симонов прислал ему, «любителю простоты и истины», «слово, говоренное в селе Державине во храме Смоленской Божьей матери», для того, чтобы «сим образом усерднейшее < > изъявить почтение» (т 24, л 205—208)

Анонимный автор «Приношения знаменитому певцу Фелицы от искреннего почитателя его славы»¹⁶ отметил достоинства державинского слога По его мнению, стихи Державина написаны легко, без видимого усилия, что отличает их от произведений других поэтов

Он дорогу стихотворства
Без постыдного упорства
Вам отличну показал
В простоте и слоге сильном,
Правдой, истиной обильном,
Вам Фелицу воспевал

(т 23 л 24)

Автор упоминает еще три стихотворения Державина, указывая в примечании место их публикации оду «Бог» (в «Собеседнике

¹⁵ Стихотворение публикуется в Приложении

¹⁶ Опубликовано в 1795 г отдельным листом, анонимно, без указания места и года В Сводном каталоге отсутствует

любителей российского слова», 1784, ч. 14, л. 125), «Памятник герою, изданный особо» (т. е. издание СПб., 1791), и «Песнь е. и. в. Екатерине II на победы графа Суворова-Рымникского 1794 г.» (СПб., 1794). Последнее из указанных изданий по распоряжению Екатерины II в продажу при ее жизни не поступало, а значит, «Приношение» можно датировать не ранее, чем 1796-м г.

Летом 1798 г. вышла в свет первая книга сочинений Державина, которой он остался недоволен. Ему не понравилось качество бумаги и печати, наличие множества ошибок и измененный против авторского порядок стихов. Первым побуждением Державина было придать весь тираж огню.¹⁷ По его настоянию книга была снабжена авторским предисловием, извинениями и обещаниями второго издания. Однако в кругу почитателей Державина его поэтический сборник явился заметным событием. Откликом на известие о только что вышедшей книге стало письмо из Ревеля от 18 декабря 1798 г. за подписью «провинциальный житель»:

...Дошла мне весть, певец бесценный,
Что песен хор твой вдохновенный,
Собравшийся в единый круг,
Твердит там чудно правду вслух...
Что люди, песнями прельщаясь,
Волшебный хор сей чередой
Зовут то в терем, то в другой...

Автором этого послания является кто-то из близких знакомых Державина. О себе он пишет:

Я... вскормленник, свидетель твой,
Когда в восторге, в вдохновеньи
Писал ты правды вид святой...
Пускай мне странная судьбина
Меркурию велит служить...

Он хотел бы иметь книгу стихов Державина, чтобы «украдкой от работы» читать ее в кругу семьи (т. 25, л. 166—167 об.).

Державин выполнил просьбу своего корреспондента. Об этом свидетельствует «Благодарность в сочельник» от «провинциального жителя» (т. 25, л. 97—100 об.). В прозаической и стихотворной форме он описывает мрачную зимнюю ночь в Ревеле и свои мысли, полные уныния. Получение «хора» стихов Державина ме-

¹⁷ Сочинения Державина СПб., 1798 Т. 6. С. 82

няет его настроение, подталкивает к размышлениям о Боге, истине и добродетели.

Умение Державина воздействовать своим творчеством на общество, а к этой цели он стремился вполне сознательно,¹⁸ было замечено его читателями. По мнению Ив. Ф. Богдановича, Державин сумел «без желчной горечи» «все прихоти вельмож прелестно так представить / И часто над собой смеяться их заставить» («Г. Р. Д.», т. 24, л. 135).¹⁹ В другом стихотворении — «Послании к Мурзе правдолюбцу, певцу Фелицы» — он рассказал, что пристыженные Державиным «визири», которые «как в зеркале в стихах видали себя сами», не смели нарушать «Фелицин устав» и «вводить в суды обман» (т. 28, л. 118—118 об.). Любопытно, что в этих стихотворениях полностью совпадает первая строка («Когда Фелицу ты нам пел богоподобну...») и частично — первая строфа.

Читатели почувствовали, что Державин обновил хорошо знакомый жанр оды. Мгновенно узнаваемая по форме, она удивляла новым содержанием:

...Героев что хваля, им правду говоришь,
Лаская самолюбю, сколь то пристойно
И в самом деле прославления достойно,
Но свыше меры ты пером своим не льстишь.

(И. Левашов, т. 22, л. 292)

Позднее, в «Рассуждении о лирической поэзии или об оде» (1811), Державин объяснял, как можно подействовать на чувства читателей, соединяя в одном произведении известное и новое, неожиданное: «Новость, или необыкновенность чувств и выражений, заключается в том, что когда поэт неслыханными прежде на его языке изречениями, подобиями, чувствами или картинами поражает и восхищает слушателей, излагая свои мысли в прямом или переносном смысле так, чтобы они по сходству с употребительными, известными картинами, или самую природу, по тем или другим качествам, невзирая на свою новость, тотчас ясны становились и пленяли разум».²⁰

Усиление интереса литераторов и широкого круга читателей к литературной критике, отчетливо проявившееся в последней трети XVIII в.,²¹ заметно и в некоторых посланиях Державину. В то время как в печати «гениальность Державина воспринималась как

¹⁸ Фоменко И. Ю. Указ. соч. С. 156.

¹⁹ Опубликовано: Русский вестник. 1811. Ч. 13. № 3. С. 74—82.

²⁰ Державин Г. Р. Сочинения. СПб., 1872. Т. VII. С. 547.

²¹ Кочеткова Н. Д. Критика 1780—1790-х годов // Очерки истории русской литературной критики. Т. 1. XVIII—первая четверть XIX в. СПб., 1999. С. 127.

очевидная данность, исключавшая всякую возможность обсуждения его стихов»,²² авторы рукописных посланий пытались каждый по-своему объяснить, в чем заключаются достоинства поэзии Державина, столь сильно воздействующей на них.

По мнению Лодыгина,²³ сочинившего акростих «Станс на поэзию», который имеет в прочтении «Державин», талант Державина — это божественный дар, отданный «десницей вышнего» достойнейшему (т. 27, л. 74).

Другие авторы, следуя традиции, характеризовали талант Державина, находя в нем сходство с античными авторами. В «Стихах Пиндару», написанных в 1799 г. за подписью «П. А.», одном из немногих стихотворений, выдержанном в строгом одическом стиле, Державин предстает как Орфей, в котором «Гомер живет с Назоном» и как «севера Пиндар» (т. 25, л. 196—197)²⁴ Поэт и сослуживец Державина Д. О. Баранов,²⁵ назвавший себя «жителем Петербурга», в стихах «На перевод Пиндара» утверждал, что Державин открыл новый путь лирической поэзии, соединив «дух Горация с Пиндаром» и воспевая российских героев «гласом Аонид» (т. 28, л. 59).²⁶

Одной из важнейших ценностей поэзии становится ее способность выражать гражданскую позицию, воздействуя на чувства читателей. По мнению Павла Левашова, высказавшего свои взгляды в стихотворении «Размышления о поэзии», «не тот пиит, кто только рифмы соплетает / Или пастушки речи с пастухом вещает...». Стихи Державина привлекают его высокими мыслями и «Гермеса жаром» (т. 22, л. 297).²⁷

«Похвальные стихи трем российским сочинителям Хераскову, Карамзыну (так! — *Е. К.*) и Державину», сочиненные 30 ноября 1802 г. в г. Конотопе Черниговской губернии анонимным автором, интересны тем, что это одно из самых ранних упоминаний Карамзина в ряду с известными литераторами. В начале XIX в. Карамзин — «это еще слишком спорная фигура, отнюдь не обра-

---

²² Зорин А. Л. Глагол времен // Зорин А. Л., Зубков Н. Н., Немзер А. С. Свой подвиг свершив М, 1987 С. 11

²³ Возможно, Ивана Николаевича Лодыгина, по свидетельству С. П. Жихарева «прекрасного человека на всякое дело и безделье», племянника П. Л. Вельяминова Лодыгин мог знать Державина через Н. А. Львова, друга Вельяминова, или А. Н. Оленина

²⁴ Опубликовано анонимно под названием «К Державину по прочтении перевода Пиндаровых од» (Русский вестник 1808 Ч. I С. 80—82)

²⁵ См. *Травников С. Н.* Баранов Дмитрий Осипович // *Словарь русских писателей XVIII века* Л, 1988 Вып. 1 С. 56—57

²⁶ Опубликовано Вестник Европы 1802 Ч. 5 С. 28 за подписью Дм. Б.

²⁷ О. П. А. Левашов см. *Кочеткова Н. Д.* Левашев Павел Артемьевич // *Словарь русских писателей XVIII века* СПб, 1999 Вып. 2 С. 195—196 *Дружинин П. А.* Неизвестные письма русских писателей князю А. Б. Куракину М, 2002 С. 195—228, 431—435

зец».²⁸ Автор стихотворения видит в Хераскове, Державине и Карамзине сходные качества:

Их ум и мысли просвещенны,
Их дух и нрав благочестив.
Они природой одаренны
Приятну связь стихов плести.

В стихотворении высказываются суждения и об их поэтическом языке: «Изображенъе мыслей живо / И начертанъе ясно слов», чтение их стихов «приятно». Кроме того, они подают «высокие» примеры, «честных нравов не вредя» (т. 28, л. 122—123).

С особым вниманием относились к поэзии Державина начинающие литераторы. Она была для них образцом, на который следовало ориентироваться в своих поэтических опытах. «Подпора сирых муз, Паллады ученик!» — таким обращением начинается «Эпистола к Гавриле Романовичу Державину», написанная 30 июня 1794 г. в Царском Селе Семеном Броневским (т. 23, л. 85—86 об.). По-видимому, это Семен Михайлович Броневский (1763—1830). Его имя не упоминалось до сих пор в кругу знакомых Державина. Известно, что в молодости он пользовался покровительством С. Г. Зорича и при его материальной поддержке путешествовал по Европе. Затем поступил на военную службу, был дежурным майором при графе П. А. Зубове, дослужился до чина подполковника. Оставив военную службу, Броневский трудился в Министерстве иностранных дел по азиатскому департаменту, затем состоял правителем канцелярии при князе Цицианове в Грузии, а с 1810 по 1829 г. был градоначальником Феодосии в чине действительного статского советника. Служба закончилась продолжительным судебным разбирательством, и, хотя Броневский был оправдан, его здоровье оказалось подорвано.²⁹

С. М. Броневский стал известен в литературных кругах своими исследованиями Кавказа в географическом и этнографическом отношениях (Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823). Есть сведения о том, что он состоял членом Казанского Общества любителей отечественной словесности. В некрологе, напечатанном в «Московских ведомостях» (1831, № 11), говорилось: «Имя Броневского известно в литературном свете столь же, сколько жизнь его была полезна отечеству и драгоценна для его друзей».

---

²⁸ *Архипова А. В.* Предромантические тенденции в критике 1800—1810-х годов // *Очерки истории русской литературной критики.* Т. 1. XVIII—первая четверть XIX в. СПб., 1999. С. 188.

²⁹ См.: *Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1892. Ч. 7. С. 166; Приложение к 7 части. М., 1893. С. 49.

Броневский поражен легкостью, с которой, как ему кажется, написаны стихи любимого им поэта:

Державин, коего обильно вображенье
Не знает под пером ни пота, ни мученья,
Скажи, как слогом ты наш слух обворожил,
Наставь, как рифму ты с рассудком подружил.³⁰

По его мнению, главное достоинство поэзии Державина состоит в том, что он разомкнул тесные рамки традиционных требований к рифме, оживил стихотворный язык, отказавшись от наскучивших правил стихосложения, которые «здравый смысл» сжимают, «как тисками». Стихотворение Броневского наполнено иронией над собственными неудачными попытками избежать банальных рифм и над дурными вкусами, царящими в обществе, которое предпочитает подлинному искусству ярмарки и кулачные бои. В эпистоле содержится прозрачный намек на А. И. Клушина (1763—1804) и его стихотворную комедию «Смех и горе» (в первый раз представлена 15 января 1793 г.), написанную в угоду низким вкусам публики. Известно, что эта комедия имела успех у зрителей. Однако в благожелательном отзыве о ней И. А. Крылова упоминались «брань безграмотных зоилов» и «ядовитая ненависть», обрушившиеся на нее. В 1796 г. Н. Ф. Эмин в комедии «Смешное с полезным, или День рождения стихотворца» пародировал некоторые сцены комедии.³¹ Очевидно, что на страницы литературных журналов выплеснулась лишь малая часть критических суждений о комедии. Эпистола Броневского была репликой в той части литературной полемики, которая оказалась скрытой от широкой публики.

Заканчивая стихотворение, Броневский предлагает виршеслагателям, которые поддаются «безумной прихоти писать стихи без жара», отказаться от этого занятия и готов подать им в этом пример.

Стихотворное послание за подписью «К. Приморский» (возможно, это псевдоним) стало откликом на «Анакреонтические песни» Державина, опубликованные в 1804 г. Получив от кого-то из своих знакомых список стихотворений «К самому себе» и «К лире», в котором они были объединены под названием «К самому себе», К. Приморский писал: «Почтенный друг! Тебе известно, что ничем меня столько нельзя утешить, как доставлением случая прочитать что-либо изящное. Стихи к самому себе мне присланы за творения Гаврилы Романовича Державина. Прочитав их, я в

³⁰ Стихотворение публикуется в Приложении.

³¹ Берков П. Н. История русской комедии XVIII в. Л., 1977. С. 323—326.

тот же миг написал чувствовании мои к сей особе, и, желая тебе услужить минутою занятия, мое послание противу мысли им изъясненной при сем доставляю».

К САМОМУ СЕБЕ

Полно мудростью гордиться!
Коль не хочешь должностей,
Свет тебе за то дивится,
Что идешь прямой стезей < >
Будешь, будешь веселиться,
Сладко петь, и пить, и спать;
Будет твой злодей стыдиться,
Яд свой внутрь себя пускать

(т 25, л 71—72)

«Анакреонтическим песням» посвящено также стихотворение графа Аполлоса Аполлосовича Мусина-Пушкина (1760—1805) «Ко мне в хижину простую / Заглянул Анакреон...», в котором утверждается, что все «венцы» славы — и лавровый, и дубовый, и из «розы нежной» — «сплелися на Державина главе» (т. 25, л. 33) Это стихотворение косвенно подтверждает предположение, что стихи «Случай», «К музам», «Вечер», опубликованные анонимно в литературно-художественном «Журнале приятного, любопытного и забавного чтения» (1803, ч. 3, № 8, 9), также принадлежат А. А. Мусину-Пушкину.³²

Поэзия Державина находила живой отклик прежде всего в его ближайшем окружении. 9 февраля 1807 г. на литературном вечере в доме Державина на Фонтанке С. П. Жихарев по просьбе хозяина дома читал его новые стихи «На выступление в поход гвардии»³³ Вскоре А. А. Писарев (1780—1848), генерал, сенатор, председатель Общества любителей российской словесности, завсегдагой литературных вечеров у Державина и А. С. Шишкова, один из издателей «Драматического вестника» (1808), прислал Державину «Ответ на стихи, сочиненные на выступление корпуса гвардии в поход против французов февраля 13, 14, 15 и 16 числа 1807 года». В примечании к стихам указывалось, что они «служат ответом» стихам Державина, а «мера стихосложения и сочетания рифм принорованы к его стихам» (т. 29, л. 50—51).³⁴

Александр Котельницкий, который стал известен как поэт в 1795 г., после опубликования выполненной им совместно с Е. П. Лю-

³² Сводный каталог сериальных изданий России (1801—1825) Т 2 Журналы (Г—Ж) СПб, 2000 С 521

³³ Жихарев С П Записки современника Ч 2 Дневник чиновника Л, 1989 С 125

³⁴ С небольшими изменениями опубликованы Вестник Европы 1807 Ч 33 № 12 С 276—277

ценко переработки поэмы Овидия «Похищение Прозерпины», а затем писавший духовные и лирические стихотворения, переведивший оды Горация,³⁵ был обязан Державину содействием в устройстве его в декабре 1803 г. на службу секретарем в один из комитетов Сената.³⁶ Котельницкий прислал Державину стихотворение «Надпись к моральной и аллегорической поэме „Видение Мурзы“» (т. 28, л. 116), указав, что это перевод с французского языка. В нем отмечался «правдивый дух» Державина, его «глубокомысленность», подчеркивались высокие нравственные качества поэта, которые дают ему право преподносить «столь здравые уроки / Самодержавнейшим царям, / Каких ни Греция, ни Рима / Не пели, бодрствуя, для них» (т. 28, л. 116).

При публикации этого стихотворения в журнале «Новости русской литературы»³⁷ слова «самодержавнейшим царям» были опущены, что привело к нарушению рифмы и смягчению, обезличиванию главной мысли. В том же номере журнала Котельницкий, на творчество которого общение с Державиным наложило заметный отпечаток,³⁸ опубликовал еще три стихотворения, посвященные Державину: «Ко славному живописцу Тончи» (с. 20—23), писавшему портрет Державина, «О несравненном певце» (с. 28—29) и «На отъезд благодетеля в деревни» (с. 45—47).

Молодые поэты стремились подражать Державину не только в рифмах. Они находили в его поэзии руководство к поведению в собственной жизни, в утверждении своей гражданской позиции, не учитывая, что высокое положение Державина в обществе давало ему больше возможностей для критики этого общества.

Стихотворное послание М. С. Шулепникова (Шулепникова) (1778—1842), датированное 13 апреля 1803 г., начинается с высокой эмоциональной ноты:

Когда на свете зло и как искоренить,
Коль громко запретят о нем и говорить?³⁹

Обращаясь к Державину, молодой поэт рассказывает о том, что стал свидетелем «успехов зла», но оказался бессилем защитить обиженных. Тогда он решил следовать примеру Державина, который «учил предпочитать {...} истину всему» и, написав «сатиру», послал ее в «Московский вестник». «Но что же получил в ответ

³⁵ Степанов В. П. Котельницкий Александр Михайлович (?) // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К—П). С. 135—137.

³⁶ Морозова Г. В. Державин и А. Котельницкий. Из истории Державинских переводов Горация (по архивным материалам) // Проблемы поэтики. Алма-Ата, 1980. С. 192.

³⁷ Новости русской литературы на 1803 год. М., 1805. Ч. 7. С. 30—31.

³⁸ Морозова Г. В. Указ. соч. С. 193.

³⁹ Стихотворение публикуется в Приложении.

на это я? / В ней много личностей, издать ее нельзя!». М. Шулепников размышляет о том, что люди с «порочною душою» всегда увидят в сатире на порок «насмешку над собою» и приводит «в образец» стихи Державина, описывающие жизнь вельмож, в которых они легко узнавали себя. Он просит Державина принять его «сатиру» и стать покровителем юному поэту.

Неизвестно, было ли опубликовано это стихотворение. В составе державинского архива его нет.

В 1802 г. М. Шулепников (Щулепников) перевел с французского языка «английский» роман «Нерешимость, или Жизнь Сира Эдуарда Балхэна». Спустя три года он поступил переводчиком в Государственный военный адмиралтейский департамент и в 1807 г. был произведен в коллежские асессоры. Его меценатом стал сенатор и писатель, член Российской Академии И. С. Захаров. В 1807 г. Щулепников был постоянным участником литературных вечеров, устраиваемых в доме А. С. Шишкова. С. П. Жихарев упоминает его в числе «мелкотравчатых стиходеев». ⁴⁰ Стихотворение Щулепникова «К сестре моей» было напечатано в «Детском вестнике» (1815. Ч. 4. С. 239—241).

Поэтическое подражание Державину, откровенное заимствование мотивов его поэзии и его художественных приемов в некоторых случаях становились для поэта-дилетанта необходимой ступенью в процессе самопознания. Об этом свидетельствует собрание стихотворений дальнего родственника Державина Н. Ф. Врасского. Тетрадь с золоченым обрезом, заполненная убогим писарским почерком с авторской правкой и содержащая 34 стихотворения Н. Ф. Врасского, озаглавлена «Жертва благодетелю моему на новый 1810-й год». Демонстрируя прекрасное знание поэзии Державина, Врасский в своих стихах «К неправедному богачу сластолюбцу», «Разговор великолепного дома с домом в развалинах», «Кто блажен в жизни сей» и других продолжает и по-своему развивает мотивы державинской лирики (т. 24, л. 70—132 об.). ⁴¹

Начинающие авторы, вдохновленные поэзией Державина, присылали ему свои стихи в надежде на помощь и покровительство. Николай Свечин писал Державину 31 мая 1810 г. из Торжка: «Стихотворения Ваши восхитили меня до такой степени, что я принимаю смелость несколько составленных нестройно рифм вместе с беспредельным моим высокопочитанием иметь честь посвятить Вашему имени — принять как слабую дань моих занятий

---

⁴⁰ Жихарев С. П. Записки современника Л., 1989 Ч. 2 С. 117, 118, 120, 129, 206

⁴¹ См. Кукушкина Е. Д. Г. Р. Державин и Н. Ф. Врасский // Проблемы изучения русской литературы XVIII века Сб., посвященный памяти проф. В. А. Западова СПб., Самара, 2001 С. 137—144

⟨...⟩. Внимание Вашего Величества соделается твердою и лестною подпорою идеям молодого офицера, вытесненного из службы французскими пулями». Свечин выражает восторг поэзией Державина также и в стихотворной форме, просит его быть снисходительным и одобрить его путь «к Музам». К этому посланию прилагается пространное стихотворение «На заключение мира России со Швециею 1809 года» (т. 24, л. 159—165 об.).

Порой свои силы в поэзии пробовали люди вовсе малограмотные. Григорий Дьяков, «имеющий жительство в Москве, в Старой Басманной в против церкви Никиты Мученика в доме под № 183-м», прислал Державину на отзыв «Оду на день восшествия на престол Александра Павловича». О себе он писал: «Се человек неученый предстоит пред вами с сими написанными моими стихами ⟨...⟩. Извольте ведать, что я кроме букваря и часослова ничево не учил и то самоучкой...» (т. 27, л. 49—50 об.).

Державин не скупился на похвалы молодым авторам, имея по этому вопросу собственную позицию. В грубоватых выражениях он писал И. И. Дмитриеву: «Хотя я и люблю правду, но говорю ее где только по должности от меня требуется; а между нашими братьями авторами самое лучшее дело, ежели и при запахе стервы нос залегает...».⁴²

К концу столетия, когда существенно расширился круг русских читателей и «появлялось все больше „знающих грамоте девиц“, читавших беллетристику и занимавшихся переводами»,⁴³ некоторые из них стали проявлять склонность к поэтическому творчеству. В архиве Державина хранятся «акростиш» княжны Урусовой, имеющий в чтении «Варвара Резанова» (т. 22, л. 298), и два стихотворных обращения к нему от молодых поэтесс.

Стихотворение «Глас сердца» (т. 22, л. 100) написано Варварой Миклошевичевой. Из его текста ясно, что это не первое ее послание Державину. В нем упоминается, что Державин «нарек» ее «Сафой» и «с Пиндаром, не запнувшись, соравнил». В ответ В. Миклошевичева сравнивает Державина, «гения лестнейших даров», с Аполлоном (т. 29, л. 100). После того как А. П. Сумароков упомянул в эпистоле «О стихотворстве» (1747) среди образцовых авторов женщину — «стихотворицу» Сафо — и стал поощрять приобщение женщин к литературному труду,⁴⁴ сравнение русских поэтесс с Сафо стало традиционным.

Результатом поэтического диалога явилось стихотворение Бельшевой (т. 30, л. 155—155 об.). Предыстория его появления пред-

⁴² Сочинения Державина СПб, 1880 Т 8 С 864

⁴³ Кочеткова Н Д Литература русского сентиментализма СПб, 1994 С 157

⁴⁴ Кочеткова Н Д Сумароков и женщины-писательницы // Сумароковские чтения Мат-лы Всероссийской науч.-практич. конф. СПб, 1993 С 32—37

ставляется следующей. В журнале «Сын Отечества» за подписью «Б.» были опубликованы два стихотворения: «Смерть подруги А. Н. К.....й» и «Фантазия» с примечанием от редактора: «Сии стихи сочинены одною из выпускаемых ныне воспитанниц Санкт-Петербургского училища Св. Екатерины». Одно из стихотворений заканчивалось упоминанием «гремящей» славы «певца Фелицы» (Первое прибавление к 8 книжке журнала «Сын Отечества». 1814. Ч. 9. С. 107—110). В вышедшей вслед за тем книжке «Сына Отечества» (ч. 10, с. 154) был напечатан ответ Державина, где он отмечал в стихах Бельшевой «высоких мыслей стройность, вкус» и утверждал, что ей «свои бы лиры уступили» Феб и Ломоносов.⁴⁵ Бельшева ответила стихотворением, которое осталось неопубликованным:

Поэт прехвальный, знаменитый,
Бессмертной славою покрытый!
Не твоя ли лиры гром,
Обтекший целый свет кругом,
Собрав в дань лавры вечноюны
И оными обвив перуны,
Летящие с волшебных струн,
Проник мне в душу, сердце, ум?
И я ль могу венком тем льститься,
Которым Феб с тобой делится.

Многие стихотворные послания Державину являются по своему содержанию дружескими письмами, что характерно для последних десятилетий XVIII в. и начала века XIX-го, когда «дружеское письмо подвергается мощному воздействию литературы, во многом определяющей его тематику и стилистику».⁴⁶ Большинство этих стихотворений попадали в поле зрения исследователей. Это послание А. В. Храповицкого «Вижу, вижу беспристрастно, / Что Державин правде друг», на обороте которого Державин написал свой стихотворный ответ «Как назвал ты меня Зевесом...» (т. 22, л. 343—343 об.), и его же «Ода милому товарищу и соседу» от 17 июля 1793 г. с пометой Державина в верхней части листа «1793 году в Царском селе, когда оба были секретарями у ее Величества Екатер. II» (т. 23, л. 84—84 об.). По поводу этой оды Я. К. Грот писал: «Храповицкий около того же времени (т. е. в мае 1793 г. — Е. К.) обратился к самому Державину со стихами, которые, к сожалению, нам неизвестны, но о которых сам Державин

⁴⁵ Сочинения Державина. СПб., 1866. Т. 3. С. 192.

⁴⁶ Лазарчук Р. М. Переписка Н. М. Карамзина с А. А. Петровым. К проблеме реконструкции «романа в письмах» // XVIII век. Сб. 20. СПб., 1996. С. 136.

вин упоминает в своих объяснениях. Секретарь императрицы, уговаривая своего приятеля писать ей хвалебные оды, исполнял тем самым собственное ее желание». ⁴⁷ В своей оде Храповицкий советовал Державину оставить службу в Министерстве юстиции:

Оставь — пусть ловкой крючоктворец
Виляет в тяжбе как-нибудь.
Рожден Державин Стихотворец,
Тебе на Пинд свободен путь.

Храповицкий упоминал те известные судебные разбирательства, которые вел Державин: дело содержателя питейных заведений И. В. Логинова и купца Савина, дело о банкротстве Сутерланда и дело иркутского генерал-губернатора И. В. Якоби. Ответом на эту оду стало стихотворение Державина «Храповицкому» («Товарищ давний, вновь сосед / Приятный, острый Храповицкий...»). ⁴⁸

Характер дружеского послания имеют и стихи А. С. Хвостова, с которым Державин познакомился в начале своей литературной деятельности и поддерживал дружеские отношения на протяжении всей жизни. Ответ А. С. Хвостова на послание Державина от 1808 г. (т. 28, № 39) опубликован Я. К. Гротом. ⁴⁹

Стихотворение Д. И. Хвостова «К Барду» («Пускай, Кубра, мой глас стремится...») (т. 27, л. 68—69 об.), ⁵⁰ в котором говорилось о высоком даровании Державина, было продолжением поэтического диалога, начатого на страницах журнала «Друг просвещения». В январском номере за 1804 г. (с. 3—6) Д. И. Хвостов напечатал «Оду реке Кубре». В следующем номере (февраль, с. 102—103) были опубликованы стихи графа Г. С. Салтыкова (1777—1814) «Сочинителю оды реке Кубре». Ответом на нее и стало стихотворение Д. И. Хвостова, присланное Державину, который в свою очередь ответил на него из Званки стихотворением «Волхов Кубре» (сентябрь, с. 192). Державин замечает, что Хвостов хвалит его весьма пышным слогом и советует ему упражняться в другом роде стихотворства.

Своего рода откликом на эту дружескую переписку стало стихотворение Семена Капниста «Наяда Псла к наяде Волхова» (т. 30, л. 145—150). ⁵¹ Наяда (нимфа) реки Псел, притока Днепра, протекающей неподалеку от имения Капнистов в Полтавской гу-

⁴⁷ Сочинения Державина. СПб., 1864. Т. 1. С. 543.

⁴⁸ В середине XIX в. Н. В. Сушков опубликовал подборку прозы и стихов А. В. Храповицкого из его архива, в том числе стихи, обращенные к Державину. См.: Раут, кн. 3-я, История и лит. Сборник. М., 1854. С. 150—152.

⁴⁹ Сочинения Державина. СПб., 1866. Т. 3. С. 413—418.

⁵⁰ Опубликовано: Друг просвещения. 1804. Ч. 3. № 7 (июль). С. 11—12.

⁵¹ Опубликовано: Чтения в Беседе любителей русской словесности. 1815. Чт. 17. С. 105—111.

бернии, обращается к няде Волхова, на берегу которого было расположено имение Державина Званка.

К разряду «домашней» поэзии, не предназначенной для посторонних лиц, можно отнести стихотворение С. Капниста, написанное на Званке 22 июля 1815 г. (т. 31, л. 112—113 об.), в котором племянник Державина по его совету описывает своих сестер — Сашу, Варю и Пашу.

Стихотворное послание «Индийскому брамину» (т. 28, л. 3—4)⁵² в верхней части листа надписано рукой Державина: «Александр Федорович Лабзин сочинил в 1803 году мая {...} дня». Отзвуки этого стихотворения заметны в четверостишии Державина «Издателю моих сочинений», написанном в 1808 г.⁵³

Из материалов архива видно, что Державин на протяжении нескольких лет поддерживал отношения с Евграфом Даниловичем Озеровым. В ту пору, когда Державин был секретарем императрицы, Е. Озеров служил при нем переводчиком, а позже жил в своем имении в Дорогобуже Смоленской губернии. В 1796 г. Е. Озеров прислал Державину свой перевод оды «Водопад» на немецкий язык и благодарил Державина за «милостивое старательство о нем» (т. 22, л. 309—309 об.).

Очевидно, в 1797 г. написано другое недатированное письмо Е. Озерова. Он извещен о намерении Державина уехать из Петербурга (в 1797 г. Державиным было куплено имение Званка) и посылает ему «усердную слезку на дорогу» (т. 22, л. 329—239 об.):

Гряди, друг правды, с миром на покой
От вздорных дел и лъстива света,
Где в маску правды ложь одета
И прав лишь тот, кто крив душой,
Умен, — кто гнуть умеет спину,
И честен, — кто носить горазд личину.
Чего весь свет, сложась, не может дать,
Чего сама не в силах смерть отнять —
Ты счастье истинно возьмешь с собою,
Оставшись чист умом и прям душою.

Продолжив занятия поэзией, Е. Озеров в 1810 г. перевел поэму Ф.-И.-П. Берни (1715—1794) «Отмщенная религия» (СПб., 1816), которая стала его единственным опубликованным литературным трудом.⁵⁴

⁵² Опубликовано: Вестник Европы. 1803. Ч. 4. № 19. С. 201.

⁵³ Сочинения Державина. Т. 3. С. 438.

⁵⁴ Кукушкина Е. Д. Державин и Евграф Озеров. (К истории переводов Берни в России) // Сборник СПбГУ к юбилею Н. С. Демковой (в печати).

Среди посланий Державину большую группу составляют стихи «на случай». Некий художник приглашает Державина:

Приди, великий муж, и удостой Инесу
Столь лестным для нее присутствием твоим...

Речь идет о картине, изображающей жену художника, с которой он «семь лет супружество счастливое» вкушает (т. 24, л. 139—139 об.).

В 1796 г. Державин поднес свои стихи Л. А. и М. О. Нарышкиным. Надпись, которую они сделали на этом экземпляре, Державин собственноручно переписал (т. 25, л. 3):

Мы приняли сей дар с тем чувством,
Чтоб сердце в нем твое читать,
Чтоб наши души напитать
Твоей поэзии искусством.
Любезный наших дней певец!
Ты всех пленил — вот твой венец.

Владислав Озеров написал оду по случаю получения Державиным ордена Святой Анны в ноябре 1798 г., когда их дружеские отношения еще не были омрачены. По его мнению, «дух» Державина обладает громадной силой, дающей ему возможность то парить «превыше облаков», то побеждать ложь на государственной службе (т. 25, л. 67—68). Свои мысли о поэзии Державина В. Озеров развил позднее в посвящении к изданию трагедии «Эдип в Афинах». Державин ответил стихотворением «Озерову на приписание Эдипа» (напечатано в издании 1808 г.), сопроводив его письмом. Сдержанный характер этого письма, по мнению Грота, и послужил охлаждению между ними.⁵⁵

В июне 1799 г. Державину поручено было ехать в местечко Шклов Могилевской губернии для следствия по жалобам жителей на притеснения С. Г. Зорича. 23 августа он посетил основанное Зоричем в Шклове училище. Здесь ему были прочитаны приветственные стихи Ивана Богоявленского, по-видимому одного из учеников (т. 25, л. 198 об.).

Просьба посетить домашний спектакль («В сей день комедью мы играем...») подписана: Иван Мятлев (т. 31, л. 88 об.). Это приглашение от Ивана Петровича Мятлева (1796—1844), будущего поэта. В 1815 г. он уволился из армии, где в звании корнета Белорусского гусарского полка участвовал в войне с Наполеоном, и поселился в Петербурге в своем доме, среди роскоши и произве-

⁵⁵ Сочинения Державина. СПб., 1865. Т. 2. С. 580—582.

дений искусства. По-видимому, в доме Мятлева устраивались любительские спектакли.⁵⁶

Почитатели Державина приветствовали его возвращение в Петербург после пребывания в Званке. Об этом говорится в анонимном стихотворении «Хор» («Желанье общее свершилось, / Настал приятнейший конец...») (т. 23, л. 88). Егор Расторгуев, посылая Державину «Стихи на возвращение Российского Аполлона в Петербург октября 12 дня 1815 года», писал: «Прошедшего года я имел честь в день Святого Христова Воскресенья поднести на сей день стихи и удостоился благосклоннейшего приема Вашего высокопревосходительства. Надеюсь, и ныне не будет отвергнут сей слабый ничтожный дар мой — истинное чувствование моего сердца — и удостоится кроткого взора бессмертного певца России». В стихотворении говорится о Державине как о мудром «ободрителе» юных талантов и о том, что на время его отсутствия «храм поэзии святой» затворяется. Упоминается Званка, воздухом которой «живится» пламенный дух Державина и его воображение (т. 31, л. 105—109 об.).⁵⁷

Аполлон Нестеров 26 июня 1813 г. написал стихотворение по случаю первого свидания с Державиным. Их заочное знакомство состоялось годом раньше. Ап. Нестеров, сын приятеля Державина Я. Н. Нестерова, бывшего землемером в Тамбовской губернии, в 1812 г. прислал Державину свои стихи «На постановление статуи Екатерины Великой в зале Московского дворянского собрания». Державин, по своему обыкновению, не скупился на похвалы. 6 мая 1812 г. он писал Нестерову о его стихах: «Они столь прекрасны, и можно сказать мастерские, что напрасно ищите певца на возобновление памяти богоподобной Фелице... Не подумайте, что я приписываю им сие достоинство по пристрастию, за превосходную похвалу вашу, мне в них изъявленную, которой я не стою. Нет, — замысл, обороты, легкий и естественный слог сие поистине заслуживают. Вы бы написали сами гимн сей обожаемой государыне, и я уверен, что общество приняло бы оной с рукоплесканием...»⁵⁸

Об обстоятельствах своего свидания с Державиным Ап. Нестеров рассказал в журнале «Москвитянин». В июне 1813 г. он приехал по делам службы в разоренную и опустевшую после войны Москву. В один из дней, лежа на диване и читая «любимейшего своего поэта», Нестеров увидел почтальона, который принес

⁵⁶ О домашнем театре родителей И. П. Мятлева Прасковьи Ивановны (урожд. Салтыковой) и Петра Васильевича Мятлевых см.: Записки Ф. Ф. Вигеля. М., 1892. Ч. I. С. 183—184; Ч. IV. С. 157—158.

⁵⁷ В том же томе содержится печатный текст стихотворения Е. И. Расторгуева «Радость России или Возвращение в отчизну великаго и свыше благословеннаго императора... Александра I». СПб., 1815.

⁵⁸ Сочинения Державина. СПб., 1871. Т. 6. С. 229—230.

приглашение от Державина, приехавшего в Москву и остановившегося в доме Д. М. Полторацкого близ Нескучного сада.⁵⁹ Стихотворение передает то отношение к Державину в его окружении, которое сложилось к последним годам его жизни. Это восхищение поэтом, но и некоторая отстраненность от него. Державин представляется Нестеру не поэтом-современником, а Богом:

Я зрел, как сей блестящий Бог,
Всех муз собором окруженный,
Возсел на трон свой возвышенный .
Казалось, что вся природа
Внимала Богу лишь сему
(т 30, л 156—157)⁶⁰

Такое поэтическое преувеличение возникает при ощущении того, что Державин и его поэзия стали частью истории.

Эта дистанция отчетливо проступает и в стихотворении Б. М. Федорова (1798—1875) «К музам» (т. 31, л. 93—93 об.), написанном незадолго до смерти Державина. В прошлом семинарист, присланный преосвященным Феодосием «для навыкновения методе учения народных школ», учреждаемых Державиным в Тамбовской губернии, Б. Федоров был «в числе лиц, которые в последние годы его (Державина. — Е. К.) жизни имели легкий к нему доступ и находили у него самый радушный прием»,⁶¹ несмотря на отсутствие заметного поэтического таланта. Б. Федоров восклицает:

Я видел Державина!
Верь мне потомство славян благородно!
Я видел любимца небес и царей,
Он к вечеру жизни склонялся,
Но гений, как луч, в нем горит .⁶²

Среди посланий Державину существенную группу составляют прошения Их авторы в большинстве своем разночинцы. Зная поэзию Державина, в которой говорилось о порочности вельмож, о несправедливости, царящей в обществе, и учитывая его высокое служебное положение, они искали помощи и справедливости. Просители обращались к Державину как к крупному государственному чиновнику.

---

⁵⁹ *Нестеров Ап* Первое и последнее мое свидание с Державиным // *Москвитянин* 1843 Ч 6 № 12 С 421—424

⁶⁰ Опубликовано *Вестник Европы* 1814 Ч 74 № 8 С 279—281

⁶¹ *Сочинения Державина* СПб, 1880 Т 8 С 497, 970

⁶² Опубликовано *Дух журналов* 1816 Ч 9 Кн 1 С 3—5

Количество прошений особенно возросло после назначения Державина министром юстиции. В стихах, написанных 8 сентября 1802 г. по поводу этого назначения (т. 28, л. 114—155), говорилось:

Чрез семьдесят веков впервые наконец
Предстатель истины стал истины певец.
Пусть вечность то чертой заметит золото,
Но я спешу печаль пролить перед тобою.
Пролей и ты равно мне истины лучи
И скорбь мою теперь хоть мало облегчи.

Литературный сервилизм, занесенный в Россию поэтами немецкой «школы разума», стал неотъемлемой частью литературной культуры второй половины XVIII в.⁶³

Поток прошений, адресованных Державину, стал темой для слухов в обществе и поводом для злословия. Граф Ф. П. Ростопчин в начале июня 1803 г., будучи в отъезде, но продолжая благодаря своим петербургским корреспондентам внимательно следить за ходом дел в столице, писал П. Д. Цицианову: «Мне рассказывали очень смешное про Державина, что он бранит просителей за дурной слог их прошений и иногда вместо ответа по делу доказывает им ошибки против грамматики». Комментируя это письмо, Я. К. Грот заметил: «Может быть, что-нибудь подобное раз-другой и было, но уж наверно Державин занимался не грамматическими поправками».⁶⁴

Преследуя общую цель — получение «благоденствий», корреспонденты Державина придавали своим прошениям различную форму.

Письмо Веры Геслинг⁶⁵ — это «слезная» жалоба («О, сжался ты над нами / Всех страждущих отец...») (т. 30, л. 150).

«Эпистола министру благотворителю во изъявление высокопочитания и преданности» (т. 26, л. 48—53 об.) неустановленного лица оформлена в виде небольшой книжечки, двенадцать страниц которой украшены по полям растительным орнаментом. Текст эпistolы предваряется предисловием. В нем говорится, что в Ри-

---

⁶³ Западов В. А. Проблема литературного сервилизма и дилетантизма и поэтическая позиция Г. Р. Державина // Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века (XVIII век. Сб. 16). Л., 1989. С. 56—75.

⁶⁴ Сочинения Державина. Т. 8. С. 835.

⁶⁵ В письме Державина к С. П. Жихареву от 6 августа 1786 г. упоминается профессор Данило Геслинг, который намеревался завести в Тамбове «под человеколюбивым управлением» Державина пансион для обучения благородных детей (Сочинения Державина. СПб., 1869. Т. 5. С. 529). Неизвестно, осуществилось ли это намерение и имеет ли Вера Геслинг какое-либо отношение к упомянутому лицу.

ме в дни царства императора Августа при Меценате поощрялись науки и искусства. Не обходили вниманием и тех, кто «с малым дарованием». В России место Августа «заступает» Александр I. Соответственно Державину предлагалась роль Мецената. И автор стихотворения готов был предаться в его «покров».

Некий солдат, «всегдашний ревнитель» Державина, сочинил поэму и стихотворение «Размышления» (т. 26, л. 100—107 об.), сопроводив их обращением:

Хоть читай иль не читай,
Философом не щитай <...>
И пишу я не романы,
Сушу правду, не обманы.
Что глас видит, ухо слышит,
То рука моя и пишет <...>
А что худо я пишу,
Научи, тебя прошу <...>
Я покорнейший слуга
Пред тобою, как дуга...

В «Поэме», которая нарочито противопоставляется высокой поэзии — воспеванию «Трои» и «героев», рассказывается о тяжелой солдатской доле («Я отечества защита, а спина всегда избита. / Я отечества ограда — в тычках, палках вся награда...»). «Размышления» содержат в скрытой форме просьбу о помощи, которую следует ждать, положившись на Божью волю и на «добрые сердца».

Сочинители других прошений более прямолинейны. Ротмистр Родион Чернявский (т. 28, л. 111—112), жалуясь на тяготы жизни, просит:

Вот рок мой, состоянье
Вам вкратце объяснил,
Излей благоденья,
Чтоб в век благодарил.

Р. Чернявский написал и опубликовал несколько подносных стихотворений. В 1796 г., будучи сотником казацких войск в Харькове, он напечатал «Песнь Харьковского народа на день коронации <...> имп. Павла Петровича <...> и <...> имп. Марии Федоровны». В 1797 г. в оде «Приверженность» (1797) он восхвалял доброту и щедрость кн. А. А. Безбородко, написал восторженно просительные «Стихи графу И. А. Апраксину», затем Н. П. Шереметьеву. Его упорство было вознаграждено. За поднесенную в 1802 г. оду на день восшествия на престол Александра I Чернявскому, к тому времени отставному ротмистру, было пожаловано 200 рублей.⁶⁶

⁶⁶ РГИА, ф. 468, оп. 1, ч. 2, № 4038, л. 172.

Надеялся на покровительство Державина и Василий Гурьев из Москвы⁶⁷ (т 28, л 60) В стихотворной части своего письма от 12 января 1803 г он использует строфу из стихотворения Державина «На счастье»

Но если я не создан пешкой,
Валяться не рожден в пыли,
Прошу тебя моим быть другом,
Пылинка может быть жемчугом,
Погладь меня и потрепли

Рассказу о своей жизни В Гурьев придает черты литературного произведения, используя метафоры и сравнения «Был у меня дом и маленькая деревня с 60-ю работниками и с 12 000 долгу < > Долг этот процентами, как кедр великолепен < > Дом моего высокоблагородия, который украшен был соломенною шляпою, как пастушка, в нынешнюю осень, по милости глупого истопника, сгорел ночью < > Все мои книги прочитал огонь »

Использует литературный прием и девица Анна Ермолаева, включив в стихотворение «Глас погибающих» монолог своего отца Он вспоминает о помощи, которую ему оказал Державин двадцать лет назад «Я был в темнице заключенный / Он там меня нашел и дружбой усладил » (т 28, л 109—110 об)

Акrostих некого А Р , имеющий в прочтении «Державину покорного слуги» (т 27, л 72), по своему содержанию — деловое письмо Автор сетует на то, что ему недоплатили жалованье, и просит замолвить за него слово государю, к которому он уже обратился с прошением

К разряду сатирических стихотворений можно отнести «Плач ученых перед Министром юстиции» (т 28, л 125—126 об) Это обращение к Державину от имени «ученых» канцеляристов, которые «вопиют», что не могут получить достойное место в Сенате Автор стихотворения, которому пошел «двадцать пятый год», успел побыть монахом, солдатом, лекарем, «крючкотворцем» Он «вступает в разговор» с Державиным, чтобы открыть, «что он в душе своей питает» Стихотворение традиционно начинается пространными похвалами Державину, затем в нем описываются далекие от благочиния нравы монастырской жизни и неурядки в канцеляриях Сената, где место повытчиков «дурни занимают» С уважением отзывается автор стихотворения о лекарях и о военных, особенно о полковнике, который читал Руссо, а потому

---

⁶⁷ Василий Гурьев — «один из отличных воспитанников Университетского благородного пансиона, получивших за благонравие и успехи в науках золотые медали и одобрительный лист» (Сушков Н Воспоминания о московском Университетском благородном пансионе М , 1848 С 73)

«читил совести уставы» и, уважив своего солдата, отпустил его со службы.

Очевидно, просьбы не оставались без внимания. В послании «К превосходнейшему из человеков, к отцу беспомощных» Наталья Тимофеева благодарит Державина за помощь, оказанную их семье и тут же просит взять «под покров» своего брата (т. 28, л. 140—140 об.). Губернский секретарь Семен Полидоров в стихах, написанных 29 августа 1804 г., жалуется на то, что два года ищет должности, но везде слышит отказ. В конце этого стихотворения сделана помета рукой Державина: «Справиться о поведении сего господина секретаря и где он служил, имеет ли аттестат. И какую помощь я могу ему сделать» (т. 27, л. 70—71 об.).

Благодарность Державину высказана и в письме от 23 февраля 1803 г. из Тобольска (т. 28, л. 127—127 об.): «Ты утешил мою старость и прибавил несколько лет моей жизни. Теперь я вижу, что ты велик в уме, велик в душе и велик в добродетели». Корреспондент Державина осведомлен о его служебных осложнениях: «Здесь слухи идут, что вельможи стараются тебя отдалить, что действию твоих добрых намерений уже мало уважаются (...). Не мудрено, что подлецы могут плести для тебя сети, но я только уверен, что от одного взгляда твоего ечеи тех сетей полопаются и делатели оных обрывками сами окутаются и исчезнут, окаянные, яко дым в воздухе».

Я. К. Грот опубликовал ходивший в списках пасквиль на Державина в связи с его отставкой, написанный, по свидетельству С. П. Жихарева, Н. И. Кондратьевым, секретарем Калужского губернатора Лопухина, уволенным со службы после следствия, произведенного Державиным.⁶⁸

Несколько раньше, в 1796—1799 гг., была написана эпиграмма «Профессор к стихотворцу» (т. 25, л. 21).

Ты славою дела велики измеряешь.

А этого не знаешь,

Что я аршином мерю их.

Или ты дел убавь, или стихов своих;

А камень длинных не вмещает,

Спондеев долото мое никак не знает.

Конфликты, возникавшие вокруг Державина, его отставка стали поводом для написания нескольких стихотворных посланий в его защиту.

«Мадригал покровителю несчастных», сочиненный И. И. Варакиным (1759 или 1760—не ранее 1824), поэтом-самоучкой, кре-

⁶⁸ Сочинения Державина. Т. 8. С. 836—839.

постным князей Голицыных,⁶⁹ был напечатан отдельным листом (СПб, 1806) (т 27, л 78) В нем говорилось, что «рев» даже «миллиона труб звучных» против Державина окажется бессильным «Все слабо, суетно и тщетно, / Число доброт твоих несчетно»

Два стихотворения в защиту Державина содержат анонимное послание (т 28, л 98—98 об), датированное по составу тома 1803 г

Упал! Упал! — кричат
И вечно не возстанет
Прилично презирать
Цветок, когда увянет
Однако же весной
Опять он расцветет,
Велик кто головой,
Вовек не упадет

Во втором стихотворении, озаглавленном «Ему же», утверждалось, что «извет» — обычное дело «в кругу обширно света»

Возможно, «Возражения на стихи, писанные против Гаврилы Романовича Державина» (т 28, л 96—97 об), являются ответом на пасквиль, опубликованный Я К Гротом Стихотворение начинается обращением к оппоненту

Преглупую твоей сатирой
Кому дерзасешь дать запрос?
Гудку ль ломаться перед лирой
И выставлять пред светом нос

Автор стихотворения напоминает читателям пословицу «коль дурак кого бранит, то тем достоинства прибавит», уверяя, что «хула» станет «хвалой» Державину Затем он переходит на рашский стих и просит критика вспомнить о бренности своей жизни В поддержку Державина, по мнению автора стихотворения,

Тамбов слезы мольбы богато проливает
Для той же правды Воронеж и Харьков его желает

Стараясь быть объективным, он не отрицает, что у Державина может быть и «темная сторона», но предлагает

Смотри на вещь со светлой стороны,
Кого найдешь ему подобных и все ль ему равны
А с темной весьма многие его превосходят

---

⁶⁹ Равдин Б Н, Рогинский А Б Варакин Иван Иванович // Словарь русских писателей XVIII века Вып 1 (А—И) Л, 1988 С 140—142

В конце текста сделана помета: «Стихи сии писаны весьма преданным Гавриле Романовичу человеком, который нарочно для сего случая в первый раз в жизни своей сделался поэтом».

Стихотворные послания Державину — небольшая часть того огромного и неизученного пласта в литературной культуре XVIII в., который оставался скрытым от посторонних глаз. Он питался вершинами художественной мысли, но и сам был той средой, в которой зарождались литературные интересы и дарования.

Любительская поэзия не стремилась к жанровой чистоте, смешивая оду то с дружеским посланием, то с деловым письмом. Поэты-дилетанты, как правило, не ставили перед собой и эстетические цели. Но, обращаясь к Державину на языке поэзии, они придавали своим посланиям особое экспрессивное качество, тем самым подчеркивая готовность «принять в себя литературу».⁷⁰

В посланиях, адресованных Державину, в материализованном виде проявилось сотворчество автора и читателей. Поэзия Державина входила в круг чтения различных социальных слоев. Культурный и духовный опыт читателей оказывался порой недостаточным для ее понимания, но они находили в поэзии Державина мысли и чувства, созвучные своим, а в нем самом хотели видеть необходимый обществу нравственный эталон. Поэт воздействовал на читателей, но и от них получал необходимый ему творческий импульс. В предуведомлении к I части своих сочинений (СПб., 1808) Державин писал: «...из особой благодарности моей, любезным моим соотечественникам сказать нахожу себя обязанным: что ежели бы не благосклонные их отзывы о трудах моих, и в письменных ко мне от некоторых особ отношениях, и во многих печатных сочинениях свету известные, ободрили меня: то бы я никогда не дерзнул обременять их нынешним изданием...».

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Ф. 247, т. 30, л. 150. Свящ. I Добронравин.

Меценат!

Я в стамну* положил Твои златые строки.

Пуускай мой сын, мой внук найдут себе уроки —

Уроки кротости, любезности, ума;

Пуускай их радует и хартия сама,

Сей свиток, где Твои покоилися персты.

Певец! Тебе, твоим дарам сердца отверсты;

⁷⁰ Лотман Ю М Указ соч С. 137.

От всех сердец ключи имеши един;
Ширяй, еще ширяй, орел! в странах воздушных,
Почий в гнезде своем — в сердцах чужих, радушных,
А в храм души Твоей, как в брачный свой чертог,
Да внидет обитать жених ея — сам Бог
И первенец его, с небес благословенный, —
Отец и сын — Твоим пером изображенны.

* *Стамна* (греч.) — кувшин, урна. Церковный сосуд, в котором, согласно библейскому учению, хранилась манна, ниспосылавшаяся Богом израильтянам во время их сорокалетнего странствования по пустыням. В метафорическом значении — образ Святой Богородицы, носящей в своем чреве Сына Божия.

2. Ф. 247, т. 23, л. 85—86 об.

Эпистола к Гавриле Романовичу Державину*

Подпора сирых муз, Паллады ученик,
Что сердца добротой и разумом велик,
Державин, коего обильно вображенье
Не знает под пером ни пота, ни мученья,
Скажи, как слогом ты наш слух обворожил,
Наставь, как рифму ты с рассудком подружил?
Твой разум ощупью за нею вслед не бродит,
Она сама тебя с покорностью находит
И смысла здорового не смеет цепи рвать,
Чтоб десять слов пустых под строку подобрать.
Сколь часто, важностью подобясь Гомеру,
На зло ты рифмы пел по древнему размеру,
Презревши ложный блеск и звук ея глухой.
Но мне, которому назначено судьбой,
Конечно, за грехи напрасно век трудиться,
Мой разум с рифмою не может согласиться.
Потей день и ночь, коль стих я приберу,
Другая каторга откроется перу,
И рифма под бока, как черт, меня толкает,
Что белым вижу я, то черным называет.
Рассудок говорит: ты знаешь, кто Дамон,
Набитый он дурак, а рифма: нет, умен.
Хвалить ли нужно мне, не смыслу я послушен,
Хочу сказать Волтер, а рифма дует К...
И на ухо ворчит беспутных кучу слов,
Которы нехотя я вписывать готов

* Здесь и в следующей публикации знаки препинания расставлены в соответствии с современными правилами пунктуации.

Скрыпящим грифелем, противным Аполлону.
Из кожи лезу вон, пишу, но после стону,
Что выбрал ремесло на пагубу свою,
В котором, как в сетях, запутан я стою.
Тогда, бросая все, судьбу я укоряю
И сто раз меж зубов со вздохом повторяю:
Будь проклят первый тот безбожный стиходей,
Что выдумал морить по правилам людей,
Расчислил все слова, измерил их стопами,
И рифмы здравый смысл сжимая, как тисками,
Велел, чтоб рифмачей вбивала голова
В пределы тесные подборные слова.
О, естли б выдумки не путали отвагу,
Я б мысли в прозе клал из сердца на бумагу.
Мне, правду говоря, не нужен горизонт,
За коим завсегда тащится бурный Понт,
Иль вялы прелести хваля какой графини,
Не к стати б из старух не выводил в богини,
И храбрый воин тот, что тыл свой показал,
Не был бы никогда для рифмы Ганнибал.
Я смело бы сказал: Российска Мельпомена
Без дела, как Султан, сидит, поджав колена;
А Талия, с тех пор как вышел ей отказ,
Краснея от стыда, казать не смеет глаз
В театр, где ей кричат: Что нам в ученом вздоре!
Мы любим ярманки, нам нада смех и горе.
Что наших пиндаров разладистый трезвон,
Сжимая кулаки, ругает Аполлон;
Что деятель* Плавил, хоть лопни от досады,
Не может обмануть геройской маской взгляды,
И шумным голосом кулачного бойца
Напрасно мыслит он обворожить сердца.
Что узки башмаки, косынки узловаты,
Всех ветреных голов вогнали разум в пяты.
Что модных бризорок и остреньких умов
Фигуры странные еще глупее слов...
Но рифма на пути меня останавливает,
Стихи один с другим попарно расставляет
И грубо говорит: мне тот обычай мил,
Чтобы один пустой, другой для смысла был.
Итак, наставь меня, богов питомец нежный,
Как вкус, разсудок, смысл в стихах приятно смежны,
Как звонких лирных струн переменяв настрой,
Поешь то Марсов гнев, то радостный покой,
Как розы грациям цветущи собираешь
И лавр на воина безсмертный возлагаешь?...

Но ты молчишь... Ответ мне твой довольно ясен:
Безсильну ворону полет орлов опасен,
С Парнаса крутизны, стремглав во стыд и вред
Летели тысячами, вершины недошед.
Державин! Продолжай согласным звоном лиры
Прелестны усыплять глаза твоей Темиры,
Фелицы славою в нас души восхищать
И тихим пением наш разум просвещать.
Все карканье ворон умолкнет пред тобою,
Как робкая свирель пред Марсовой трубою.
Я первый им собой пример полезный дам
И слабости мои кладу к твоим ногам.
Безумной прихоти писать стихи без жара
Последню платит дань, звуча, моя гитара.
Царскос село 30 июня 1799 г Семен Броневский

* В ежемесячном журнале «Зритель» актеры названы Действителями или Деятелями (примечание С. Броневского).

З. Ф. 247, т. 28, л. 47—47 об.

Послание в стихах к Державину Михаила Шулепникова

Когда на свете зло и как искоренить,
Коль громко запретят о нем и говорить?
Поетов образец, Парнасских дев любитель!
Будь юному теперь поэту покровитель,
Что следовать хотел примеру твоему.
Учил предпочитать Ты истину всему,
К добру любвию Твои все дышат строки,
Всегда гонял Ты зло, осмеивал пороки,
И подвигами всем тьмократно доказал,
Что пользы лишь одной общественной искал.
Я видел страждущу, гониму добродетель;
Я был успехам зла, к несчастью, свидетель;
Не мог с спокойствием того переносить,
Страдал; но ах! Был слаб бессильных защитить.
И зло хотел предать на посмеянье миру,
И сделал первую в мой век еще сатиру:
Стыдом хотя покрыть надеялся его,
Коль боле произвесть не мог бы ничего.
Любовь к отечеству меня возпламеняла,
Она моим пером водила, управляла.
Окончил — и послал стихи мои в Москву,
Чтоб Вестник возвестил о бедствиях молву,
Которыя несут, кто бедны, слабы, скудны...

И льстился, что тогда министры правосудны,
Увидев истину как кроют все от них,
Содрогнутся в душах чувствительных своих,
Проникнут, поразят, — и зла уже не будет,
И бедный прежняя несчастья забудет.
Но что же получил в ответ на это я?
«В ней много личностей, издать ее нельзя!»
Прочти ее, наш Бард, и будь моим судьей:
Хотел ли я вреда общественного ею?
Возможно ль будет нам пороки осуждать,
Коль будут логикой подобной рассуждать:
«Есть люди в подлинном с пороками такими,
Какие описал стихами ты своими.
И так, ты лица их в виду имел своим?»
Но где же личностей в стихах мы не найдем,
Коль в праве будут брать, с порочною душою,
Сатиру на порок в насмешку над собою?
Позволь, любезнейший россиянам певец,
Тебя здесь самого поставить в образец.
Вельможа, Ты сказал, без благодти душевной
Есть вид пустой молвы, ком грязи позлащенной;
Тобой описан нам роскошный Сибарит,
Что должности презрев, спокойно дома спит;
Осел всегда осел, осыпан хоть звездами, —
Но мало ль мы таких видали в свете сами?
Иль скажем, что и ты долг чести приступил,
Когда нам их дела в стихах изобразил?
Или на бархатном диване так же лежа,
При тихом ветерке младую деву нежа,
Неужели б кто мог сердиться на Тебя,
Что в оде он Твоей узнать умел себя?
Коль видели таких, кто целый век проказят,
Кто в жмурки резвятся, на голубятню лазят,
Кто забавляются охотой, лаем псов,
Иль греблей на Неве и песнями гребцов,
Кто вафли на пиру шампанским запивают,
Средь вин и аромат весь свет позабывают.
Хоть можем на таких и пальцем указать,
Но можно ль личностью стихи твои назвать?
И чтоб не приводить мне более примеров,
Когда сказал, — полна земля вся кавалеров
И целый свет уж стал, по счастью, бригадир —
Иль должен на тебя вооружиться мир?
Я знаю, были бы напрасны все старанья,
Чтоб мне твои вместить отличны дарованья;
Но если так, как Ты, пленять и не умел,

По крайности я цель одну с тобой имел:
Как ты, хотел и я, сорвав с порока маску,
Одну природную на нем оставить краску.
Се был единственный предмет моих стихов.
Прими, Державин, их под правый Твой покров.
Любовь твоя к добру да в век пред всеми блещет,
И видеv свет ея, да злоба вострепещет!

Апреля 13 дня 1803 года.

Преданнейший слуга Михаил Шулспников.